

УДК 882

**К ВОПРОСУ О МИРОВОМ ВЛИЯНИИ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ
ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА**

**ON THE GLOBAL INFLUENCE OF RUSSIAN WRITER
LEONID ANDREEV**

Т. К. Гусева

T. K. Guseva

*ФГБОУ ВПО «Московский государственный гуманитарный
университет им. М. А. Шолохова», г. Москва*

Аннотация. В статье поднимается вопрос о значении творчества Л. Н. Андреева для европейской литературы на примере влияния, оказанного русским писателем на классика испанской литературы М. де Унамуну. Мы сопоставили повесть Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» с повестью М. де Унамуну «Святой Мануэль Добрый, мученик» и пришли к выводу, что эти произведения являют пример не только интертекстуального диалога, но, прежде всего, литературного влияния.

Abstract. The paper regards the analysis of the importance of L. N. Andreev's work for the European literature basing on the influence of this Russian writer onto the classic of the Spanish literature M. de Unamuno. The author compares L. Andreev's story «Life of Basil of Thebes» to M. de Unamuno's story «Saint Manuel the Good, Martyr» and concludes that both these works give the example not only of intertextual dialogue, but, first of all, of literature influence.

Ключевые слова: *Л. Н. Андреев, Мигель де Унамуну, социальная эволюция, экзистенциализм, интертекстуальный диалог, интраистория.*

Keywords: *L. N. Andreev, Miguel de Unamuno, social evolution, intertextual dialogue, existentialism, intra-history.*

Актуальность исследуемой проблемы. Необходимо теоретически обобщить творческое наследие русского писателя – родоначальника экспрессионизма, предэкзистенциалиста Л. Н. Андреева. Особенно актуален в настоящее время – время неоднозначное и во многом сходное с кризисной ситуацией России и Испании стыка XIX–XX вв. – основополагающий антропоцентризм писателя. Также насущен анализ влияния Л. Андреева на мировую (в частности, испанскую) литературу.

Материал и методика исследований. Материалом исследования стали повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» и М. де Унамуну «Святой Мануэль Добрый, мученик». Нами используются сравнительно-исторический и типологический методы исследования.

Результаты исследований и их обсуждение. Не требует доказательств утверждение, что русская литература является достоянием народов мира. Так, влияние, ока-

занное на классика испанской литературы, зачинателя движения «поколения 98 года» Мигеля де Унамуно (1864–1936) Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым, общеизвестно. Но, расширяя круг русских писателей, которые воздействовали на Унамуно, следует отметить Л. Андреева. Высказанное К. С. Корконосенко [2, 261] предположение о влиянии повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» (1903) на повесть М. де Унамуно «Святой Мануэль Добрый, мученик» (1931) может быть подкреплено ссылкой на историю ранних переводов Л. Андреева на испанский язык.

Л. Андреев был хорошо известен в Испании в первой трети XX века не только любителям русской литературы, к числу которых, конечно же, мы отнесем и М. де Унамуно. Испанский читатель (после переводов А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, «открытия» русской литературы и массовых переводов Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева) с энтузиазмом воспринял многочисленные переводы Л. Андреева, видя в нем яркого представителя русской традиции и в то же время европейского модернизма.

Переводы Л. Андреева на испанский язык были очень многочисленны. На пике популярности писателя они появлялись с небольшим отрывом от времени написания оригинала. Повесть «Жизнь Василия Фивейского» быстро получила международное признание. Первый перевод повести на испанский язык появился в 1918 году [6].

Если в Достоевском М. де Унамуно увидел истинного отца русского нигилизма, отчаявшегося, страдающего вместе с миром христианина, в Толстом – корни своей философии «интраистории», то в Л. Андрееве (с чьим творчеством писатель не мог быть не знаком) он почувствовал близкого себе по духу *агониста*. «Агонист» – центральная фигура художественной философии Унамуно – ведет бой с умственным отчаянием, метафизической безысходностью, ежесекундно мучительно осознает свою временность, ощущает сопредельность внеположенной воли, чувствует прикосновение беспредельности. М. де Унамуно многократно высказывался в дневниках, прямо переключаясь и как будто непосредственно отвечая на раздумья Л. Андреева и опыт о. Василия, что попытки рационального осознания лишь губят веру. Повесть М. де Унамуно может быть проанализирована как непосредственный ответ Л. Андрееву, оригинальная *интраисторическая* разработка андреевской темы воскрешения. Попытке физического воскрешения в стиле натуралистического реализма известного в свое время философа-космиста, трансгуманиста Н. Ф. Федорова (1828–1903), верящего в грядущее телесное воскрешение и не желающего примириться со смертью ни одного человека, М. де Унамуно противопоставил оригинально трактуемое духовное воскрешение. Отметим, что Унамуно мог быть знаком с Н. Ф. Федоровым по восторженным отзывам Л. Толстого и Ф. М. Достоевского.

Повесть Унамуно когерентна и однонаправлена повести-прообразу. Можно отметить параллели не только сюжетной ситуации, основной идеи, главных героев и соотношения «автор – герой», но также и второстепенных героев. Оба произведения несут печать близости житийной литературе, изобилуют библейскими аллюзиями. О. Василий (и Л. Андреев) ищет разумность в мироустройстве, падре Мануэль (и М. де Унамуно), прямо и непосредственно обращает Богу свои вопросы. Герои Л. Андреева и М. де Унамуно жаждут уяснить *суть*, обрести *смысл* происходящего, убежденные, что все в мире имеет свой тайный метафизический смысл. Сопоставление версий Иов-ситуации позволяет со всей наглядностью увидеть специфику русского и испанского

вариантов, а также сделать вывод о близости художественной философии писателей. Василий Фивейский – не только духовный брат Дона Мануэля, он также является в достаточной степени его узнаваемым прообразом. Испанский писатель вслед за русским polemизирует с житийной литературой, по закону жанра которой святость имманентна, а житие эту святость лишь подтверждает. Оба священника проходят испытание верой.

Герои (Василий Фивейский, дон Мануэль) равно *агонизируют*, пользуясь терминологией М. де Унамуно, находятся в необычной пограничной ситуации, выявляющей их суть и метафизические искания (излюбленный художественный прием писателей – постановка психологического эксперимента). Русский и испанский варианты «хождения в народ» прямо перекликаются; оба пути выхода из кризиса сознания, вошедшего в стадию агонии, попытки собрать свое распадающееся «я» обречены на провал.

Повести предлагают свои варианты воплощения идеи абсурда вероисповедания: священник-естествоиспытатель, пытающийся доказать божественную идею опытным путем; канонизируемый атеист. Кроме того, сюжетобразующая ситуация богооставленности притчи и обеих повестей противонаправленная. Если с Иовом это было оставление временное, испытательное, то с героями повестей – оставление по отращению, с целью обращения их к покаянию. Иов разговаривает с Богом и убеждается в резонности своих действий – герои повестей, подобно самим авторам, переживают агонию трагизма богооставленности.

Писатели всецело концентрируются на заявленной проблеме, опуская при этом малозначущую с точки зрения непосредственной аргументации их философского кредо информацию. Действующие лица, формально составляющие основу композиции каждого повествования, суть не живые образы, наполненные индивидуальным содержанием, но герои-функции, символы жертвенничества (о. Василий, дон Мануэль), интуитивного (Анхела), рационального (Ласаро), иррационального (Вася, Бласильо) познания.

В о. Василии Унамуно мог увидеть отчужденного экзистенциалистского героя. Физическое описание героя-идеи Унамуно, вслед за Л. Андреевым, свел к минимуму. Выделяются лишь характерные черты: относительное увеличение роста о. Василия в восприятии Копрова и его «бездонно глубокие глаза, черные и страшные, как вода болота» [1, 589], высокий рост, «бездонная голубизна ...озера» [5, 94] в глазах дон Мануэля. Глаза (о. Василия) «пристально смотрели вперед, далеко вперед, в самую глубину бездонного пространства» [1, 548]; дон Мануэль заглядывал у смертного одра прихожан в «черные бездны отращения к жизни». Оба героя, действующие для народа и в интересах народа – стремящийся продемонстрировать народу существование бога о. Василий и поддерживающий чистую, детскую веру в народе дон Мануэль, – находят-ся в символическом одиночестве непонимания.

В подчеркнутах концептуальных повестях Л. Андреева и М. де Унамуно, чьи герои суть идеи, главным героем фактически становится сам автор. Эгоцентрически ориентированные произведения представляют собой исповедь, латентный самоанализ, обнажающий двойственность душевных исканий атеистов. В них доминирует, эксплицитно или имплицитно, голос автора. О. Василий – в достаточной мере автопсихологический портрет Л. Андреева, так же, как и падре Мануэль – М. де Унамуно. Безверие обоих святых отцов срастается с их отчаянным желанием служить людям – все это «авторское». В своей миссии избавить человечество от страданий и безумного хаоса они сильнее цепляются за веру. Это не смирение Иова.

Всесметающая волна слепого иррационального бунта (Л. Андреев) сменяется – при идентичности центральной проблемы философских повестей – мудростью в агонии самоотверженного «народника» падре Мануэля. Испанский писатель не поддерживает концепцию роковой предопределенности: агония его героя принимает вид внутреннего подводного течения. Бог дона Мануэля давно «умер», поэтому его агония вызвана стремлением уравновесить несоответствие: потребность в вере – невозможность веры для мощного аналитического ума, впитавшего достижения прогресса.

Надо иметь в виду, что если для писателя повесть является «своего рода идейным и художественным завещанием», в ней «чуть не все идейные темы творчества М. де Унамуно сплетены воедино» [3, 23], то для Л. Андреева повесть отражает скорее сам срединный процесс творческого развития, за ним последовал финальный *итожитель* «Дневника Сатаны», гипотетически сопоставимый с повестью М. де Унамуно в плане авторского подведения итогов, квинтэссенция всего написанного. Идея интраисторического бытия М. де Унамуно (опровергнутая идеей человека-массы Ортеги-и-Гассета) напрямую оппонирует образу дьяволочеловечества Л. Андреева, более когерентному позиции Ортеги-и-Гассета, несмотря на большую временную разотнесенность.

Конечно, повести «Жизнь Василия Фивейского» и «Святой Мануэль Добрый, мученик» могут служить также примером литературной параллели, обусловленной типологическим родством, аналогичностью историко-культурного контекста, примером единства смысловой центрации свертктекста вопреки разноязычию, а также и примером непосредственного интертекстуального диалога. Характеристику, данную М. де Унамуно в предисловии к своей повести как «философской и теологической» [7, 1182], можно распространить и на повесть Л. Андреева.

Концентрирующая внимание на действии человеческого духа философско-этическая проблематика определяет открытость и незамкнутость экзистенциальной направленности – поиск смысла бытия человека, места Бога и веры в системе ценностей. Насыщенные в высшей степени философским содержанием, повести русского и испанского писателей предельно условны. Оба автора не анализируют характеры как сложную диалектически развивающуюся систему, но акцентируют их основополагающие свойства, определяемые ключевой проблемой: *поиск Бога – бунт против Бога* изувверившимися в ситуации богооставленности. Обе повести, находящиеся на пересечении внешних литературных и индивидуальных авторских исканий, изобилующие библейскими реминисценциями, одновременно суть развернутые версии известного толстовского завета «Живи, отыскивая бога, и тогда не будет жизни без бога» [4, 152].

Писатель классической «уравновешенной» эпохи XIX века был ориентирован на гармоничность личности на почве веры, рационально осознанной и иррационально прочувствованной, – в постнищенскую эпоху духовного своеволия и хаоса бруновского движения жизнь равно видится русским и испанским писателями как трагичная в самих своих основах, гармония возможна лишь как потенция и на мгновение. Самое острое, ведущее к агонии экзистенциальное противоречие для индивида Л. Андреева и М. де Унамуно – между рациональным сознанием и верой. Поиск Бога приводит героев к духовному бунту/своеобразному альтруистическому смирению. Высший смысл гипотетически мог бы постичь Сверхчеловек, Герой, способный к единоборству с роком (Л. Андреев), стремящийся к вере и могущий принять решение (М. де Унамуно).

Резюме. На основе полученных в ходе исследований результатов мы приходим к выводу о влиянии Л. Андреева на крупного испанского писателя М. де Унамуно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев, Л. Н.* Жизнь Василия Фивейского / Л. Н. Андреев // Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. – М. : Книжный клуб «Книговек», 2012. – С. 524–598.
2. *Корконосенко, К. С.* Мигель де Унамуно и русская культура / К. С. Корконосенко. – СПб. : Европейский дом, 2002. – 400 с.
3. *Тертерян, И. А.* Мигель де Унамуно: личность, свершения, драма / И. А. Тертерян // М. де Унамуно. Избранное : в 2 т. Т. 1. – Л. : Худ. литература. Ленингр. отд., 1981. – С. 5–28.
4. *Толстой, Л. Н.* Исповедь / Л. Н. Толстой // Собрание сочинений : в 22 т. Т. 16. – М. : Худ. литература, 1983. – С. 152.
5. *Унамуно, М. де.* Святой Мануэль Добрый, мученик / М. де Унамуно // Избранное : в 2 т. Т. 2 / сост. В. Столбов ; вступ. статья, коммент. И. Тертерян. – Л. : Худ. литература. Ленингр. отд., 1981. – С. 93–128.
6. *Andreiev, L.* Vida y muerte del reverendo Vasili Fiveisky. Traducción directa del ruso por B. Marcoff / L. Andreiev. – 1ª edición en castellano. – Barcelona : Maucci, 1918. – 191 p.
7. *Unamuno, M. de.* San Manuel Bueno, mártir / M. de Unamuno // Obras completas. – Madrid : Afrodisio Aguado, 1951. – P. 1182.